

При всей этой плачевной картинѣ
Вы даже нисколько
Не сознаете своего положенія,
Не умѣете пользоваться
Даже щедротами Государя:
Пожертвованный хлѣбъ —
Эту высокую милость —
При всей своей плачевной бѣдности,
Употребляете во зло.
Даримую на пропитаніе
Дѣтей вашихъ муку
Куда вы носите?"...
Мы подсказали: „Въ кабакъ!"
А стариkъ продолжалъ нась сурово корить:
„Вы своимъ поведеніемъ
Такъ низко уронили себя..."
И передъ Богомъ,
И передъ совѣстью,
Передъ Правительствомъ,
Передъ Начальствомъ
И даже передъ своими собратьями, —
Такъ можете ли вы
Называться дѣтьми моими?"
Чистосердечна ли радость,
Съ которой вы встрѣчаете лѣто?
Веселить ли вѣсть первое мая?"...

Первая поэзія въ сѣверной оконечности Корелии

(1849 года).

Относительно развитія нашего природнаго языка можно сказать утвердительно, что это единственный народъ на европейской почвѣ, за исключеніемъ лопарей и самоѣдовъ, которому удалось сохранить свой языкъ въ первобытномъ состояніи отъ глубокой древности неизмѣннымъ до нашихъ дней.

Я не ошибусь, если скажу: какъ говорили корелы во времена Рюрика, такъ говорятъ они и въ настоящее время. У корель нѣть никакихъ преданій, ни историческихъ разсказовъ, и никакихъ, хотя бы безтолковыхъ, стихоплетеній. Безъ сомнѣнія, и я не болѣе какъ такой же тупорной работы корела. Но мое самолюбіе подстрекнуло меня испробовать, доступно ли корельскому языку хотя какого-либо рода стихосложеніе, въ нѣжныхъ выраженіяхъ поэтическихъ чувствъ, и я помѣщаю здѣсь нѣсколько пѣсень, сложенныхъ мною на корельскомъ языкѣ, въ сопровожденіи ихъ дословнымъ ихъ русскимъ переводомъ. Корельскій текстъ передается, конечно, русскими буквами, нарѣчіемъ южной оконечности Корелии.

П а й о ¹⁾.

Пѣсня.

Корничасъ коркейсь
Нейтине чома,
Маяличесъ омпелоо
Віеноста пайо паяттаа.

Ваччани горая
Ей кенъ тія,
Еіко сутаменъ
Тускаа авутаа.

Міелесь піеттавя
Лойтось міни,
Еі оне мінъ мойсту
Бiestочкаа.

Кевать тулоо,
Роспутта суури.
Дорогойль еі плязе
Тулемаанъ.

Сувеста линнүтъ,
Весселясти лендая,
Хоть душойль
Віестинъ тойсь.

¹⁾ Мысли молодой девушки.

Иккуннаахъ качонъ,
Кююнялетъ сильмисъ,
Ваччани линдуйнъ —
Кере-пакизе.

Кюзюнь міня линдуйль
Неиттеко хяята?
Кусъ минунъ
Міелесь-піеттавя онъ?

Мененъ ніхалле,
Ноузень мянлле,
Качоъ лойтось
Синя пайнъ.

Меччу чомемби,
Илму веселемби,
Синтъ чурасъ
Кусъ душой онъ.

Мечасъ хаю,
Шіененъ линнуйнъ пойо,
Будто куйнъ
Минунъ тагъ веселясти.

Какейнъ кукунда
Корвесъ куулуу

Вичикесь пайо
Соловейнь.
—
Тююнель — чомаль и-оой
Кеяять илтанъ,
Линнуть кизаа
Кескеняянъ.
—
Сурвоязеть сурвоо
Пачкойть лентая,
Киурутъ вичердая
Пеллойнъ пяялля.
—
Вейнъ пяялля лентая
Валкей рюнись кайяй,
Бези линнуть
Ярвелла уйксенделоо.
—
Лахтель чомаль,
Венееть соутаа
Нейтисетъ
Венессы шаяттаа.
—
Липоккасеть лентеле,
Нурми тавна бобаа,
Кималетъ керия
Юка цвѣтайсесь меттю.

Нурменъ пойки чурчетаа
Ойине чома,
Мечась лаби валоттаа
Нийттуйнъ кере юки.
Душойнъ чуралъ
Пайо куулуу;
Дорогалъ аяя
. . . Тройку.
Міелесь шеттая
Теляясь истуу,
Подаркаа Пінтерисъ
. . . Туопи.
Минуу сепай,
Сууту антой
Телегъ сийтенъ
. . . Ности.
Сийта илоста,
Синтя хювистя,
Ень енямби
. . . Муста!!

Корельская пѣсня.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ КОРЕЛЬСКАГО.)

Въ горенкѣ высокой,
Красная дѣвица

За пяльцами сидитъ,
Нѣжно пѣсенки поеть.

Тоску сердечну
Некому открыть,
Въ горѣ, кручинѣ
Мнѣ пособить.

Уже другъ далеко
Уѣхалъ давно.
Нѣтъ отъ него
Вѣсти никакой.

Воздухъ теплѣеть,
Снѣгъ съ горѣ идетъ,
Распута страшная,
Проѣзду нѣть.

Съ юга птицы
Весело летать;
Въ окошко смотрю,
Полны глаза слезъ.

Сердце птичку просить
Вѣсточку принесть.
Пойду съ горя-кручины,
На гору высоку.

Посмотрю въ ту сторонку,
Гдѣ мой милый другъ:
Тамъ воздухъ веселѣе
И лѣсъ зеленѣй.

Напѣвъ птичекъ
Въ лѣсу раздается;
Будто для меня
Онѣ веселятся.

Въ кустахъ соловей
Весело поетъ.
Кукушка кукуеть
Средь сырыхъ боровъ.

Пріятностью дышеть
Вешній вечеръ тихій;
Птички порхаютъ,
Межъ собой рѣзвятся.

Надъ полями жаворонки
Весело поютъ,
Ласточки летаютъ,
Комары снуютъ.

Кружатся утки,
По озеру плывя,

Былогрудые чайки
Надъ озеромъ парят.
Лодочки ныряютъ
По зыбучей волнѣ,
Гдѣ раздается
Дѣвичій напѣвъ.
Мотыльки летаютъ,
Луга полны цвѣтовъ.
Пчела, по нимъ летая,
Съ цвѣтовъ собираетъ сокъ.

Черезъ дубраву катится
Красиво ручей;
Рѣка чуть сквозится
И лѣсь сталъ темнѣй.

Съ стороны родимой
Пѣсня раздается;
По дорогѣ тройка
Буйная несется.

Другъ сердечный, милый
Мнѣ на встрѣчу мчитъ,
Подарки изъ Питера
Привезти спѣшить.

Чуть меня увидѣлъ
Обнялъ, целовалъ,
Къ себѣ въ телѣгу
На колѣни взялъ!

Съ радости, что вижу
Друга моего,—
Что потомъ случилось—
Не помню ничего!..

Пайо кегтюненъ міехенъ.

(Пѣсня овѣнчанаго короля.)

Зеленая винушка
Погосталъ кабакушка,
Пяятая юленъ кивистая,
Деньга ей енямби оле.

Похмѣльюшка страшной
Енъ вой таинагазе баччоо.
Гуйке онъ риститтюзі;
Койсь акку чаккаа.

Лехматъ онъ олета,
Хевоне хейннятъ
Лапси раукать лейвята
Иче енъ руюхти котинъ менна.

Енненъ куйнъ нуори олинъ,
Армахаллуо менинъ
Душой пордайла вастай
Суута антой юлень себай.

Чаюль кофейль юотти,
Кейтинъ шйраатъ лаади,
Хювалля калалла сюотти,
Макаамаанъ сийтенъ пани.

Пехмейле перинейле
Одъяланъ алле...
Хуонтексель віина кантой
Похмелится антой.

Ласкайччи пакизи,
Кофайнъ кейтти леику ютти
Сиитбнъ пордахиile каймай
Сууту антой юлень себай.

Вотъ брихать! оли айку,
Олинъ миняки молоччу!
Нюкей горя пайнаа
Иче итке, и тужи.

Пѣсня обѣднѣлага кореляка.

(Переводъ съ корельскаго.)

На погостъ въ кабакъ
Вина много есть;

Голова моя болитъ,
Денегъ нѣтъ въ карманѣ.

Стыжусь свѣта Божія,
Совѣстно людей,
Страшно и похмѣлье —
Баба дома злый.

Коровы безъ соломы,
А лошади безъ сѣна;
И дѣти не обѣдали,
Плачутъ дома сидя.

Когда былъ я молодъ,
Былъ я и удалъ,
Не зналъ тоски-горя,
Ни житейскихъ золь.

Бывало, къ любушкѣ идешь —
На крыльцѣ меня ждетъ,
Встрѣтить, распѣлуетъ,
Въ горенку сведетъ.

Ластить, обнимаетъ,
Скорбѣ за столъ сажаетъ,
Поитъ, угожаетъ
И спать меня кладетъ

На мягкую перину,
Подъ теплымъ одѣяломъ;
А поутру разбудить,
Опохмѣлиться дасть.

Съ ласкою проводитъ
На крыльцо она,
Вздохнетъ, поцѣлуется,
Обойметъ меня!

Житье было, братцы,
Умирать не надо,
А настигла бѣдность —
Стало хуже ада.

Пѣсня дѣвушки

(Самозерского погоста).

Красивъ видомъ,
Весель взглядомъ,
Волны катить
По брегамъ.
За островами
Шумятъ волны;
На волнахъ
Несется чейнъ.
Въ злой кручинѣ
Дѣвица красная

Сидитъ на брегѣ,
Смотрить въ даль.
Парусъ лодки
Чуть бѣгаетъ.
Волны яростно
Бѣгутъ.
Сердце дѣвушки
Тоскуетъ
О сердечномъ другѣ,
Ноеть.
Вѣтеръ сильный,
Ты утихни!
Волна злая,
Усмирись!
Услышь мои
Дѣвичьи мольбы:
Волны бурные
Утиши!
Здравъ и весель
Другъ приѣдетъ
Черезъ воды
На погость.

Пѣсня кореляка

(Сѣверной оконечности Корелии).

Спою пѣсенку
О своей странѣ,

О своей странѣ,
О родной моей.
О далекомъ сѣверѣ,
О корельскомъ племени,
О глупши лѣсовѣ
Посреди боровѣ.
Страна та суроваѧ:
Осень съ непогодою,
Зимою холдою,
Съ тучами, морозами.
Со снѣгами, вьюгою;
Занесло дороженьку —
Ни идти, ни ѿхати
Ко своей душѣ,
Ко своей душѣ,
Красной дѣвицѣ.
Въ ретивомъ сердцѣ
Тоска молодцу.
Такъ и рвуса къ ней,
Красной дѣвушки.
Отыщу, навострю
Свои лыженки
Черезъ дебри-лѣса,
Къ моей любушки.
Не боюся ночей,
Не страшуся лѣсовъ,
Звѣрей лютѣйшихъ,

Волковъ жаднѣйшихъ,
И явлюся къ ней
Хоть на третій день,
И спрошу тогда
Я у дѣвицы:
Если вправду любишь —
Возьму за себя;
Если же не любишь —
Въ солдаты пойду,
Въ службу царскую,
Службу военную.
Куда царь велитъ,
Я пойду туда.
Буду грудью стоять
За царя всегда
Противъ басурмана
На чужой землѣ.
А въ ночную пору
Спрошу мѣсяцъ въ небѣ:
Видить ли тебя?
Сѣверныя звѣзды
Ярко такъ горятъ —
Точно говорятъ.
Мое ретивое
Такъ и ноетъ, ноеть —
Объ тебѣ, душа,
Красная дѣвица!

Изъ любви къ тебѣ
Не страшусь враговъ
На быстрой рѣкѣ
На Аму-Дарѣ.
Снова въ битву помчусь,
И побѣды добьюсь,
И на грудь получу
Крестъ Георгіевскій.
И домой возвращусь
Хоть безъ важныхъ чиновъ —
За то воинъ лихой,
Полна грудь крестовъ!

Королякъ на сѣверѣ.

Я житель сѣвера,
Близъ рубежа полярныхъ тундръ:
Въ глупи лѣсовъ,
Безчисленныхъ озеръ.
Гдѣ вашъ взоръ
Встрѣчаетъ повсюду
Однообразіе природы.
Семь мѣсяцевъ въ году
Нѣть ни малѣйшей жизни —
... . Все мертвое.
Поля, лѣса, озера,
Луга, долины, горы —

Толстою, сиѣжною,
Бѣлою пеленою
Покрыты отовсюду.
Для жителя юга
Это — могила.
А для жителя сѣвера
Это — жизнь и раздолье!
Жителя хижины
Такъ и манить
Эта бѣлая гладь, что повсюду.
Мнится ему
Во снѣ и на яву:
„Ахъ! какъ бы достать
Хоть двѣ большія луки
Или пару плоскихъ жердей
Подъ названіемъ: лыжи;
На плечо бы винтовку,
За поясъ — топоръ!“
Онъ тогда доволенъ
И вполнѣ богатъ.
На лыжахъ летить,
Достигаешь цѣли,
Желанной мечты.
Онъ сердцемъ довольный
И душою гордѣй
Многихъ великихъ людей.
Христофоръ Колумбъ,

Знаменитый Франклинъ
Быстро неслись
На корабляхъ
По волнамъ океана,
А сѣверный нашъ герой
На своихъ ходуляхъ
Несется по сугробамъ
Сѣверныхъ пустынь.
Онъ не мѣняетъ славы
Своего занятья—охоты
Ни съ кѣмъ въ мірѣ,
Матерью рожденнымъ.
Ни Александръ Македонскій,
Ни Юлій Цезарь,
Ни самъ Наполеонъ—
Ему ни почемъ.
Коль съ нимъ его винтовка
Да собачка лѣсная —
Такъ онъ даже на Креза
Себя не промѣняетъ.

Да, этотъ бѣдный корела доволенъ своею судьбою, быть, есть и будетъ счастливъ, не смотря на суровую природу своихъ сѣверныхъ тундръ съ ихъ короткимъ лѣтомъ, богатымъ кровожадными комарами, съ осенними непогодами и семимѣсячною

зимою, не смотря на убогую свою лачужку и тяжелую семейную обузу.

Но вы не вѣрите мнѣ, почтенные читатели, и потому я приведу вамъ на память всѣхъ знаменитыхъ счастливцевъ, искашихъ богатства, почестей и славы. Вспомните Креза: удивлялъ весь свѣтъ своимъ безмѣрнымъ богатствомъ и пышностью своего двора — и кончилъ жизнь свою въ позорномъ плѣну!

Колумбъ, дѣйствительно, открылъ новая земли, новые растенія, обогатилъ свое отечество — и за то не встрѣтилъ благодарности у своего народа, у своего отечества. Франклинъ, при всей своей знаменитости и состоятельности, оставляетъ семейство, родныхъ, друзей, родину, все — и тоже бросается искать новая земли, а можетъ быть и другой, новый міръ... И погибаетъ между льдами, сдѣлавшись добычею эскимосовъ — обитателей ледяного міра!

Александръ Македонскій, послѣ неисчислимыхъ победъ и неимовѣрного геройства, завоевалъ весь міръ, но не могъ побѣдить самого себя. Почивъ на лаврахъ, умеръ какъ дитя, посреди разврата и нѣги...

Юлій Цезарь, вступивъ на высшую ступень славы въ пресловутомъ Римѣ, столице міра, при ликованіи народа, — погибъ посреди славы и почестей, въ домѣ

Правосудія, підъ кинжаломъ убійці Брута, бывшаго
нѣкогда ему другомъ!

Наполеонъ!.. Кто изъ смертныхъ можетъ под-
няться на высшую ступень геройства, генія, чести,
славы и самодержавія!? Ему уже повинуется поло-
вина Европы—но онъ хочетъ всю, хочетъ весь
свѣтъ! Звѣзда счастія меркнетъ, Фортuna вдругъ
ему измѣняетъ—и онъ все теряетъ: теряетъ Европу,
теряетъ свое любимое непобѣдимое войско, теряетъ
самую Францію, милую жену и любимаго сына и уми-
раетъ въ заточеніи на пустынномъ островѣ, посреди
океана, підъ палящимъ небомъ, среди разъяренной
стихіи.—Вотъ плоды безмѣрнаго желанія и суетной
погони за славой!

Есть у людей счастіе, но все-таки утвѣрдительно
можно сказать: общий законъ человѣческой слабо-
сти, какъ у великихъ мужей, такъ и у средняго класса
людей: домогаться все больше и больше...

Я это на себѣ самомъ испыталъ: будучи изъ
среды сельскаго сословія, трудомъ и предпріимчи-
востью мнѣ удалось довести мои дѣла до такихъ
результатовъ, что я уже имѣлъ свой собственный
желѣзный пароходъ, паровой лѣсопильный заводъ,
нѣсколько богатыхъ лѣсныхъ дачъ, въ городѣ пол-
дюжины домовъ и торговлю. Но что же?—На ком-
мерческомъ поприщѣ одинъ невѣрный шагъ—и все
пропало!..

Роковой дымокъ.

Зимою озеромъ,
Въ сильный морозъ,
По дорожкѣ сиѣжной
Ѣдетъ купецъ.

Онъ видѣть вдали
Отъ пути —
Вѣтсѧ дымокъ
Изъ трубы.

Кто бъ развелъ
Этотъ огонекъ,
Дрова складъ,
Стоитъ у печи?

Авось—она,
Милое созданье,
Полей сѣвера
Цвѣтокъ роковой!

Бѣлоликая
Красавица,
Смотря на огонекъ,
Думаетъ о суженомъ.

У купца молодого
Сердце бьетъ тревогу;
Онъ ведеть коня
Туда къ деревушкѣ.

На берегу покосилась
Бетхая избушка
Съ разбросанной крышей
И труба дымилась.

По шаткому крылечку
Входитъ купецъ въ сѣни,
Въ отворенную дверь
Видить онъ дѣвицу¹⁾.

Прислонившись къ печкѣ,
Съ поникшей головою,—
Глаза голубые,—
Съ русою косою.

Входитъ купецъ въ избу
Смѣло, но учтиво,
Помолаясь онъ Богу
Садится на лавку.

¹⁾ Въ дымныхъ избахъ во время тонки двери держать пріотворенными—лучше дымъ тянуть.

Съ волненiemъ сердца
Не сводить съ красавицы глаzъ;
„Велика ли семья у васъ?“
Заводить онъ рѣчъ.

— „Всего насть четверо“,
Старуха въ отвѣтъ:
„Сынъ пошелъ въ бурлаки,
А мы трое дома“.

„А сколько лѣтъ дочери?“
Спросилъ еще купецъ.
— „Восемнадцать минуло,
Добрый человѣкъ“.

— „Какъ зовутъ красавицу?“
„Таня—имя ей“.
— „Пойдемъ-ка ты, Таня,—
Изъ саней дамъ кофе.

„А ты выйди, старушка,
Съ моимъ человѣкомъ,
Покорми лошадку,
Достань свѣжей рыбы“.

Таня варить кофе,
Купецъ съ нею рѣчъ:

„Я тебя люблю,
За себя замужъ возьму.

Вотъ моя рука —
И жаркій поцѣлуй.
Дай ты мнѣ слово:
Будешь мнѣ вѣрна?

„Вотъ я пачку денегъ
Въ залогъ оставляю,
Въ такое-то время
За тобой прїѣзжаю.

„Не обѣщайся другому,
Никому ни слова!
Вотъ еще дарю
Кольцо золотое“.

Съ біеніемъ сердца
Купецъ распостился,
Съ жгучею любовью
Въ сани онъ садился.

Чудный образъ Тани
Купцу грудь терзаетъ,
Стань высокій, гибкій,
Очи голубыя.

Стоя на крылечкѣ,
Смотря купцу вслѣдъ,
Высоко у Тани
Грудь волнной колышетъ.

Запала рѣзвушкѣ
Въ сердца глубину
Любви непонятной,
Искра отъ огня.

Зимнимъ утромъ, рано,
Въ стужу-непогоду,
Таня печь топила,
На опѣстокъ грудь склонила.

Смотритъ, какъ береза,
Треща, загоралась;
Углубившись въ думу,
Голова склонялась.

Утро ей завѣтное
Вспомнилось какъ разъ,
Слезы незамѣтныя
Канули изъ глазъ.

Въ углу дымной хаты
Старуха молиласъ,

И въ концѣ молитвы,
Къ дочкѣ обратилась.

Вдругъ она увидѣла
у дочери своей,—
Льются ужъ ручьями
Слезы изъ очей.

Ахнувъ, мать спросила,
Подбѣгая къ дочкѣ:
— „Повѣдай мнѣ, дитятко,
Ни въ чемъ не утай!“...

„Скоро годъ исполнится,
Помнишь—былъ купецъ?
Далъ онъ пачку денегъ,
Перстень золотой.

„А теперь не ёдетъ,
Слово измѣнилъ.
Что я буду дѣлать?
Научи меня!“

— „Покажи скорѣе,
Гдѣ кольцо и деньги?“
„Погоди, я сбѣгаю“,
Отвѣчала дочь.

Бросилась Татьяна
Съ луchinой въ рукахъ,
Принести изъ чулана
Обручальный даръ.

Вдругъ на встрѣчу прямо ей
Суженый въ сѣнахъ:
„Вотъ не измѣнилъ же я!
А вѣрналь ты мнѣ?“
